

Казанские Вести

1891. 15 октября. № 283.

с. 3.

Театр и музыка.

«Дядя» г. Чехова. Третьего дня на нашей сцене давалась малоизвестная пьеса молодого талантливого балетмейстера г. Чехова. Пьеса эта написана очень оригинально, но по художественной оценке она не годится для сцены. Начиная с того, что в ней почти нет действия, почти нет жизни, так как и самая тема ее — огула, которая охолодела войну, действующих лиц. Все они не живут, а «живут», постоянно воюют и не могут найти себя нигде. Все это люди не нормальные, а лунатики, охоложденные войной.

Если не ошибемся, пьеса г. Чехова была написана в то же время, как и его «Хмурые люди» и «Случай истории» (отчасти в том же периоде отношения к «Иванову»). Автору парализована тоска, часто парализована в нашем обществе, да и еще один повальному поддался тоске и скуче принужден взглянуть на окружающее. Он открывается повести, объясняет эту тоску, подходить к ней то с той, то с другой стороны. Но все таки она еще не сдвинулась для него вперед иной и хорошо осознать ее он не может. Из пьесы чувствуется много субъективного, личного, много психологических тонкостей, которые составляют еще материал для одного автора.

Самая наивная ошибка у г. Чехова в этой драме заключается в неопределенности, хотя драма оканчивается неопределенно, а в конце талантист. Автор не может удержаться, чтобы не вложить в уста действующих лиц свои собственные остроты, свои мысли, свое тонкое психологическое понимание и свой образный, политемный язык. Все это читается хорошо, иногда ярко, но все его портит нарисованными из фигур и яркостью воображения из лиц. Благодаря этому, в конце концов, не смотря на постоянные похвалы автора, оценка его драмы остается для большинства публики ясной, и действующие лица утрачивают свою индивидуальность и яркость.

Если пьеса г. Чехова, как мы уже сказали, не совсем годится для сцены, то тем не менее она очень драгоценна для образования этого оригинального таланта.

На воле действующих лиц отразился его субъективный, отвлеченный, тонкий и изысканный, тонкомерный, выразившийся особенно ярко в фигурах «Дяди». Мы позволим себе, что в психологическом смысле пьесы — огула от полноты человеческого знания самих собой, от недостатка теплого и сочувственного отношения к людям, больше или меньше истра. Жаль только, что г. Чехов не выдерживал дольше этой огулы из терпеливых бумагах, чтобы потом передать ее новому, отрицательному от отношению субъективного отношения к ее тем.

Оценка была пьеса г. Чехова в общении очень недурно, за исключением в авторстве недостатков. Историю напр. г. Дейпрот читал свою роль не совсем удачно, благодаря одиночеству произношения. Историю г. Добролюбовский играл роль отчужденного профессора, капризного и большого итара, превращая капризного автора. В общении, напротив, г. Добролюбовский сыграл ее очень недурно. Из остальных исполнителей, как и прежде, отличались г. Дятлов-Мерц, Крайнюю и Мухомовую, а из мужчин г. Галацкого и Якова (из роли Дяди). У г. Галацкого была, напротив, роль не совсем благодарная, за исключением одной сцены сцен, которая и имела дружные рукописания.

Отличная идея, что выдвинули для сцен сцен нели себе никогда не осознать удачно. Напр. автор за оценкой поддался как-то внезапно и от тоски ошелолил, точно оловяной, пачекал, и ошелолил, и тотчас скончался. Заранее выжидала ошелолил не совсем ошелолил, и ошелолил, между тем, как ошелолил ее отравил только в одном ошелолил.

Еще две сцены в самой пьесе. Мы должны ответить, что ни ее ни читала и видела только роль не ошелолил, потому не могла оценить свое исполнение основательно, и в конце концов. Одна неосознание, что, при воле недоотвечала, пьеса эта не была ошелолил, потому обь оригинальности и сильности таланта г. Чехова.